

А.Л. Подгайский

ИНДУСТРИАЛИЗАЦИЯ В БЕЛАРУСИ: ВЫБОР ОРИЕНТИРОВ ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ

Важнейшим условием успешного развития всякой страны, всякого суверенного государства является решение проблемы национальной самоидентификации. Четкое осознание своего места в мире, познание своих особенностей предопределяют трезвую оценку возможностей, правильную постановку национальных целей, выбор адекватных путей их достижения. Это касается всех сфер общественной жизни, не является исключением и экономическая область действительности. В этой связи осмысление специфических черт национальной экономики, осмысление своего пути социально-экономического развития являются основой корректировки реальных экономических процессов, формирования национальной экономической модели.

При всей важности целенаправленных нынешних усилий руководства, направленных на формирование привлекательного социально-экономического образа белорусского государства, не следует забывать, что контуры национальной экономической модели во многом задаются структурными характеристиками экономики, господствующими технологическими укладами и организационно-экономическими отношениями. Эти моменты, находящиеся в неразрывной связи со сложившимися социально-экономическими институтами, являются результатом длительного развития общества. По существу, они представляют собой «наследственные признаки» системы, которые невозможно отбросить и трудно изменить. Их изучение вынуждает обратиться к эпохе определения структурных основ народно-хозяйственного комплекса Беларуси — к периоду форсированной индустриализации.

Несмотря на разрушительные последствия Великой Отечественной войны, практически стершей белорусскую ин-

дустрию с лица земли, и структурные корректировки, принятые в ходе ее послевоенного восстановления, основные контуры национальной экономики Беларуси были выработаны и заложены в конце 1920–начале 1930-х гг. Именно тогда определялись пути экономического развития, воплотившегося в создании индустриального комплекса, который и по сей день остается «несущей конструкцией» экономики Беларуси. Оценка соответствующих мероприятий в отечественной научно-исторической литературе варьировала: безудержная апологетика советских лет сменилась негативной риторикой 1990-х гг. И в том, и в другом случае она была предельно политизированной и эмоциональной. Пытаясь отбросить крайности и избавиться от идеологических штампов, отметим обстоятельства, которые оказывали существенное влияние на выбор ориентиров экономического развития Беларуси и принятие соответствующих политических решений.

Известно, что сама идея решения проблем хозяйственного развития Беларуси посредством ускоренного развития промышленности возникла задолго до революции. Она неоднократно озвучивалась передовыми хозяйственными и общественными деятелями, государственными лицами. Так, еще в 1855 г. генерал-губернатор Смоленский, Витебский и Могилевский П.Н. Игнатьев в докладе царю писал о необходимости развития промышленности как пути оживления экономики края. В частности, он отмечал удобство путей сообщения как предпосылку зарождения в Витебской губернии «...промышленности мануфактурной и заводской, которая могла бы оживить и промышленность земледельческую, угасающую ныне от изнеможения»¹. Однако было бы преувеличением полагать, что кто-либо всерьез рассматривал будущее Северо-Западного края как индустриального региона. Перспективы его экономического развития связывались с интенсификацией сельского хозяйства, предполагавшей развитие смежных отраслей промышленности. Даже в группе немногочисленных сторонников индустриального развития белорусских губерний — членов местных сельскохозяйственных обществ (в которых в конце XIX–начале XX вв. была сосредоточена передовая экономическая мысль Беларуси) представление о становлении местной

промышленности связывалось, прежде всего, с переработкой льна, деревообрабатывающей и пищевой промышленностью (А. Павловский, В. Свенцицкий и др.).

Во всяком случае, при наличии определенного разброса мнений в среде местных специалистов, да и в сознании просвещенных слоев общества, прочно утвердилось видение будущего Беларуси как аграрно-индустриального региона, в котором интенсивное сельское хозяйство (с развитым животноводством, производством технических и кормовых культур) дополняется сопутствующей, обслуживающей, промышленностью. Поиски образца такого развития были направлены на север Европы. Во второй половине XIX–начале XX вв. представители белорусских сельскохозяйственных обществ (С. Ванькович, К. Свяцкий, В. Ельский, Л. Наркевич-Ёдка и др.), преподаватели Горьгорецкого сельскохозяйственного института (А. Бажанов, Б. Михельсон) посещали Бельгию, Северную Германию, Данию, Швецию, Англию, где изучали организацию сельскохозяйственного производства и опыт социально-экономического развития этих стран в целом. Среди этих государств особо выделялась Дания, где во второй половине XIX в. были осуществлены весьма успешные аграрные реформы и сделаны огромные (по меркам того времени) шаги в области социальной политики. Дания стала своего рода «эталонном» для развития сельского хозяйства Беларуси и экономики края в целом².

Основным препятствием реализации подобного пути виделись общинное землепользование и экстенсивная по своей природе, костная система крестьянского хозяйствования, представлявшая в контексте проектов реформ главный источник экономических проблем и социальных противоречий. (По существу речь шла о крайне низкой результативности аграрной политики царизма в конце XIX–начале XX столетий). Развитие же индустрии в Беларуси должно было создать условия интенсификации сельского хозяйства и решить проблему аграрного перенаселения, вобрав в себя «излишки» рабочей силы. Ей отводилась двоякая роль: «инструмента» интенсификации основной отрасли и социального клапана, снижающего социальное напряжение в обществе.

При всей марксистской революционности и приверженности индустриальным идеалам хозяйственного мироустройства руководство БССР в годы НЭПа занимало весьма схожие позиции. В выступлениях А. Червякова, И. Адамовича, А. Криницкого и других руководителей республики высказывались очень сдержанные оценки перспектив индустриального развития Беларуси. Они говорили об отсутствии природных условий и изношенности оборудования, на восстановление которого у государства нет средств. Будущее белорусской промышленности связывалось с переработкой продукции сельского и лесного хозяйства как основных отраслей экономики БССР. Такое видение перспектив отечественной индустрии было обусловлено не только ограниченностью ресурсов и незначительностью внутренних источников накопления, но и «аграрной доминантой» экономической политики. Экономическая политика руководства республики фокусировалась на сложнейшем комплексе аграрных проблем, именно в этой области в 1920-е гг. наиболее тесно переплетались политические решения руководства республики и наработки белорусских ученых-экономистов. Система аграрных преобразований (неразрывно связанная с именами наркома земледелия БССР Д. Прищепова, ученых — И. Кислякова, А. Смолича и др.) предполагала развитие индивидуальных крестьянских хозяйств и их постепенную кооперацию, утверждение хуторской и поселковой форм землепользования, приспособление аграрного сектора к рыночным условиям, его организационно-техническое преобразование и развитие соответствующей инфраструктуры, «западную» ориентацию во внешней торговле. Эта совокупность идей, во многом базирующаяся на датском опыте и получившая впоследствии название «Беларусь — Красная Дания», касалась не только аграрного сектора, по существу она являлась концепцией экономического развития республики*.

* Следует отметить, что развитие соответствующих идей проходило в условиях жесткого идеологического контроля и партийной цензуры, поэтому основные положения этой концепции «разбросаны» в различных работах авторов, зачастую завуалированы марксистской символикой и терминологией. Парадокс эпохи заключается в том, что наиболее четкое, законченное, выражение концепция «Беларусь — Красная Дания» получила в протоколах допросов белорусских ученых и государственных деятелей в органах ГПУ-НКВД.

В контексте «агроцентричного» видения перспектив развития экономики белорусской индустрии отводилась «обслуживающая» роль. По «датскому образцу» предполагалось делать ставку на небольшое количество отраслей промышленности, тесно увязанных с потребностями ведущих отраслей экономики — сельского (и лесного) хозяйства. Считалось, что такая промышленность, «естественно» вырастающая из основных отраслей, максимально приближенная к источникам сырья будет способна не только обеспечить гармоничное развитие народного хозяйства республики, но и занять определенные рыночные ниши на внешних рынках. В русле этой логики выработывались общие принципы промышленной политики БССР. Еще в начале 1920-х гг. известный общественный деятель и ученый А. Бонч-Осмоловский писал о необходимости устройства в Беларуси промышленности, работающей на собственном сырье, развитии трудоемких и низкоэнергоёмких производств³.

Именно эти требования легли в основу определения приоритетов промышленного развития республики в годы НЭПа; в качестве основных отраслей отечественной индустрии выделялись деревообработка, пищевая и легкая промышленность, производство определенных стройматериалов. В республике проводилась большая работа по обоснованию перспектив развития этих отраслей, анализировались экономические условия размещения и работы отдельных предприятий. Такое видение будущего белорусской промышленности было весьма устойчивым. Даже в 1927 г. (после принятия официального курса на индустриализацию СССР) большинство белорусских экономистов ставило под сомнение целесообразность проведения форсированной индустриализации экономики БССР. Анализируя предпосылки промышленного развития республики, они выступали против насаждения промышленности, работающей на привозном сырье (А. Котов), отстаивали необходимость развития трудоемких производств (П. Мокрицкий). Эта позиция находила поддержку национально-ориентированного крыла партийно-государственного руководства республики. О необходимости учета при проведении индустриализации местных особенностей и приоритетном развитии в БССР легкой и пи-

шевой продукции говорил на X съезде КП(б)Б (1927 г.) первый секретарь партии А. Криницкий⁴.

Известно, что в последующие годы такие взгляды, вошедшие в отечественную историю под ярлыком «паркалёвай» индустриализации*, подвергались разгромной критике, а лица их высказывающие были репрессированы. В 1990-е гг., в период эмоционального переосмысления нашего прошлого, соответствующая концепция индустриализации стала восприниматься как единственно верная, экономически обоснованная, обеспечивающая «естественный», эволюционный ход развития экономики Беларуси. Ей противопоставлялась наделенная полным набором негативных характеристик концепция форсированной индустриализации, которая была реализована в республике. Последняя представлялась как экономически ущербная, сопряженная с хозяйственными диспропорциями и сопровождаемая огромными социальными издержками, а политические деятели и ученые, ее отстаивающие и реализующие, огульно объявлялись беспринципными адептами экономической политики союзного руководства.

На наш взгляд, в оценке свершившегося исторического выбора, определившего контуры экономики современной Беларуси, необходимо отделять аспекты экономической обоснованности того или иного пути (и соответствующей научной аргументации) от шлейфов идеологического и репрессивного «сопровождения», присущих дискуссиям того времени. Наряду с шумной, как правило необъективной и ненаучной публицистикой, сопровождающей господствующую политическую линию, существовали серьезные разработки, обосновывающие необходимость развития в республике тяжелой индустрии. Прежде всего, следует заметить, что переломный пункт в выборе путей индустриализации в республике (1928 г.), связан не столько с волей союзного руководства, сколько с результатами деятельности Госплана БССР.

* Этим ярлыком обозначался наиболее распространенный, «буржуазный», ход индустриализации, при котором начало промышленного переворота было связано с бурным развитием текстильной промышленности (паркаль — легкая хлопковая ткань).

Смена вектора промышленного развития республики связана с именами председателя ВСНХ БССР С. Карпа и председателя Госплана БССР М. Карклина. Эти деятели, поддержанные рядом экономистов, выступили в 1928 г. инициаторами проведения форсированной индустриализации и строительства предприятий тяжелой промышленности. Естественно, что подобные заявления в условиях советской партийно-государственной системы не были частной инициативой отдельных лиц; вместе с тем, их не следует связывать с одной лишь политической конъюнктурой. Сам жизненный путь этих людей, наполовину стертый советской историографией, показывает масштаб и неординарность личностей. С. Карп — выдающийся деятель еврейского социал-демократического движения (в начале 1920-х гг. по заданию еврейской секции ВКП(б) создавал левые организации «Поалей Циона» в Австрии, Египте и Палестине), в 1924 г. был назначен наркомом финансов БССР, в 1925–1927 гг. возглавлял белорусский Госплан, а в 1927–1929 гг. руководил ВСНХ БССР. Под его руководством был разработан первый пятилетний план экономического развития республики. К разработке плана С. Карп привлек лучшие научные силы Беларуси (Г. Горецкого, И. Кислякова и др.), приглашал ученых из других республик (в частности, способствовал переезду в Минск известного историка и экономиста М. Довнар-Запольского), оказывал содействие изданию научных работ (наличие ведомственного издательства Госплана позволяло смягчать жесткость идеологического контроля). Значительный вклад в организацию народнохозяйственного планирования в республике внес уроженец Латвии М. Карклин, сменивший в 1927 г. С. Карпа на посту руководителя Госплана и возглавлявший в 1927–1930 гг. Экономическое совещание при СНК БССР. Он непосредственно курировал разработку первого пятилетнего плана и определение мероприятий, направленных на ускорение индустриализации республики.

Следует отметить, что до 1928 г. эти деятели выступали как сторонники «паркалёвай» индустриализации, говорили о приоритетном развитии в Беларуси пищевой и легкой промышленности. Однако в ходе разработки первого пятилетнего плана выяснилось, что обеспечить высокие темпы экономического

роста на основе развития пищевой, деревообрабатывающей и легкой промышленности в существующих экономических условиях практически невозможно. Для этого необходимо «насаждение» в республике промышленных предприятий, производящих средства производства и работающих на привозном сырье. Этот итог деятельности белорусского Госплана, на наш взгляд, сыграл ключевую роль в изменении подходов к индустриализации в Беларуси. Говоря о роли в принятии соответствующих решений союзного руководства, надо заметить, что союзные органы хозяйственного управления «задавали» высокие темпы промышленного роста, но не навязывали «утяжеленную» структуру белорусской промышленности. Тяжелая промышленность (в частности, машиностроение и металлообработка) не только не навязывалась республике союзным правительством, но и напротив, планы ее развития, разработанные республиканским Госпланом, встречали серьезное противодействие на союзном уровне. «Насаждение» тяжелой индустрии активно лоббировалась руководством БССР, преодолевавшим сопротивление Госплана СССР.

Хотя целесообразность скачкообразного роста промышленного производства оспаривалась отдельными экономистами, сама идея приобретения республикой «настоящей» индустрии (прежде всего, машиностроения) на рубеже 1920–1930-х гг. прочно вошла в сознание представителей политической и хозяйственной элиты БССР. Именно машиностроение, металлообработка и энергетика в это время являлись очевидной основой экономической и военно-политической мощи передовых стран. Эти отрасли были сосредоточием передовых технологий и обладали значительным «открывающим» потенциалом: их развертывание влекло за собой развитие ряда смежных производств, транспорта, объектов инфраструктуры, технического образования. Не следует забывать и то обстоятельство, что в эти годы сформировалась административно-командная система с присущей ей распределительной логикой хозяйствования. В рамках этой логики главным и самым плодотворным направлением хозяйственной активности республиканских органов стало «выбивание фондов» и преференций на уровне союзного руководства. В таких условиях строительство в Беларуси предприятий

машиностроения означало доступ к передовым технологиям, ценнейшим сырьевым ресурсам, финансовым средствам общего государства. Это повышало экономический вес республики и, как следствие, реальный политический статус белорусского руководства в партийно-государственной иерархии СССР.

Существенное влияние на смену концепции индустриального развития Беларуси оказал сложнейший узел аграрных проблем, впоследствии варварски разрубленный в ходе коллективизации. Ограниченные возможности зернового производства, слабость кормовой базы животноводства, недостаток техники и удобрений, неразвитость местной транспортной сети и отсутствие рынков сбыта (при всей условности этого понятия в советской экономике) сводили на нет надежды на скорую интенсификацию сельского хозяйства. Между тем, тяжелой демографический взрыв, переживаемый республикой, в сочетании с индивидуальными формами землепользования обострял проблему аграрной перенаселенности. Напомним, что Восточная Беларусь до революции была одним из главных центров стольпинского переселенческого движения. Несмотря на значительные потери населения, понесенные в ходе войн и революционных катаклизмов, в результате советского наделения крестьян землей в ряде мест наделы оказались меньше дореволюционных. Взросление новых поколений, родившихся перед первой мировой войной, и наличие особенно многочисленных «детей НЭПа» делали бесперспективными любые проекты оптимизации крестьянских наделов. Свободных земель, необходимых для воспроизведения аграрной модели НЭПа на новой демографической основе, в Беларуси не было. Следует напомнить, что на уровне союзного правительства в 1920-е гг. озвучивались идеи о необходимости переселения избыточного населения Беларуси в другие регионы СССР. Такие рудименты стольпинской политики встречали упорное противодействие руководства республики. В этих условиях наиболее простым и эффективным путем решения проблемы представлялись форсированная индустриализация и быстрая урбанизация БССР. Только скачкообразное развитие белорусской промышленности могло направить избыточное аграрное население в города и сохранить человеческие ресурсы в республике.

Серьезность отмеченных обстоятельств не вызывает сомнений. Формирование народнохозяйственного комплекса БССР, осуществленное в процессе форсированной индустриализации, было трудным и драматическим моментом в отечественной истории. Однако это обусловлено не только «злой» политической волей, вытекающей из марксистского видения действительности, но и сложнейшим узлом проблем, накопившихся в экономике Беларуси за многие десятилетия. Основные контуры народнохозяйственного комплекса республики не столько навязывались извне, сколько формировались внутренней логикой социально-экономического развития. Такое понимание индустриализации позволяет взглянуть на проблему формирования национальной экономической модели как длительный эволюционный процесс, корни которого уходят в глубокое прошлое.

Осмысление этого процесса позволит Беларуси избежать таких пороков «догоняющего развития», как имитационный характер преобразований, стремление воспроизвести на местной почве передовой зарубежный образец, «очищенный» от всех противоречий и негативных сторон. Подобные установки порождают экономическую политику, игнорирующую собственные традиции и специфику хозяйственной жизни, стимулирует революционные подходы к преобразованию экономики, воплощающиеся в стремлении начать экономическое развитие страны «с чистого листа». В свою очередь формирование жизнеспособной модели социально-экономического развития предполагает приверженность эволюции, максимальный учет национальных особенностей и исторических традиций, бережное отношение к институциональному опыту предшествующих поколений.

Примечания

¹ Дакументы і матэрыялы па гісторыі Беларусі (1772–1903 гг.): У 4 т. Т. 2. Мн., 1940. С. 126.

² См.: Сацыяльна-эканамічныя праекты ў працах беларускіх эканамістаў (2-я палова XIX–1-я трэць XX ст.). Аўтар-укладальнік У.А. Акуліч. Мн., 2007. С. 60–70.

³ Бонч-Осмоловский А. К вопросу о возрождении экономической жизни в Белоруссии // Народное хозяйство Белоруссии. 1922. № 6. С. 6–19.

⁴ См.: Бусько В.Н. Экономическая мысль Беларуси в период НЭПа (20-е годы). Мн., 2000. С. 93, 96.